

Zofia Czapiga

О затруднениях в синтаксическом анализе предложения

Acta Polono-Ruthenica 5, 227-234

2000

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Zofia Czapiga
Instytut Filologii Rosyjskiej
WSP w Rzeszowie

О затруднениях в синтаксическом анализе предложения

Вопрос о членении предложения все время является одним из актуальных и сложных вопросов синтаксической теории. Традиционная схема членения предложения на главные и второстепенные члены предложения неоднократно подвергалась критическому пересмотру, время от времени в нее вносились различные поправки.¹ В настоящее время раздаются голоса о том, что на основе традиционной идеи о разнородности компонентов предложения в дистрибутивном и функциональном аспекте и о их синтаксической позиции следует создать учение о членах предложения, отражающее современный уровень знаний об устройстве предложения.

В. А. Белошапкина отмечает, что появление в синтаксисе понятия структурной схемы предложения сопровождалось или полным отказом от анализа второстепенных (неконститутивных) членов предложения, или сведением его к установлению „словосочетательной” или „предложенческой” природы того или иного неконститутивного члена („распространителя слова” или „распространителя предложения”). Синтаксический статус второстепенных членов предложения может быть различным, как и различны критерии установления конститутивности/неконститутивности. Полное описание синтаксической системы языка требует создания

---

¹ См. м. проч.: В. И. Фурашов, *О второстепенных членах предложения*, „Русский язык в школе”, 1977, № 4, с. 95-102; Д. Н. Шмелев, *Синтаксическая членность высказывания в современном русском языке*, Москва 1976, с. 65-73; Л. Д. Чеснокова, *О системном подходе к анализу членов предложения и приемах этого анализа*, „Русский язык в школе”, 1984, № 3, с. 39-42; А. К. Федоров, *Трудные вопросы синтаксиса*, Москва 1972; В. Н. Мигирин, *Принципы изучения членов предложения*, „Научные доклады высшей школы. Филологические науки”, 1961, № 3, с. 38-52.

нового учения о членах предложения,² учитывающего их роль в организации предложения, их вхождение/невхождение в предикативную основу или в номинативный минимум, а также их роль в составе того и другого. При выделении членов предложения должны учитываться синтаксические связи и смысловые отношения, в которых находятся друг с другом компоненты предложения.³

А. М. Мухин также соглашается с тем, что следует отказаться от использования понятий второстепенных членов предложения, однако их место в теории предложения должны занять иные понятия элементарных синтаксических единиц, которые истолковались бы с опорой на соответствующие синтаксические связи.⁴

Учитывая традицию и современное учение о структурной схеме и семантической структуре предложения, современные синтаксисты выделяют:

- члены предложения, входящие в предикативную основу,
- члены предложения, не входящие в предикативную основу, т.е. предметные имена (актанты).⁵

Г. А. Золотова весьма перспективными считает поиски соотносительности в предложении грамматических признаков с семантическими. Во введении *Синтаксического словаря* она пишет: „На теперешнем этапе зависимость правил построения синтаксических конструкций от лексико-семантических характеристик их компонентов стала очевидностью, уже не требующей доказательств, но требующей систематизации материала”.⁶ Разграничение и синтезирование в понятии синтаксемы функций, позиций и структурно-семантических значений преодолевает смешение смыслового и позиционного учения о членах предложения.⁷

---

² В. А. Белошапкова, *Сложное предложение и словосочетание (К вопросу о изоморфизме в синтаксической системе)*, [в:] *Грамматическое описание славянских языков. Концепции и методы*, Москва 1974, s. 82-83.

³ В. А. Белошапкова, *Современный русский язык. Синтаксис*, Москва 1977, s. 132-143.

⁴ А. М. Мухин, *Лингвистический анализ. Теоретические и методологические проблемы*, Ленинград 1976, s. 166.

⁵ В. А. Белошапкова, *Современный русский язык*, s. 134-143.

⁶ Г. А. Золотова, *Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса*, Москва 1988, s. 4.

⁷ Г. А. Золотова, *Коммуникативные аспекты русского синтаксиса*, Москва 1982, s. 67.

Отказ от использования традиционных членов предложения является уже в новейших академических грамматиках как русского, так и польского языков,⁸ хотя в практике преподавания языка все еще применяется традиционный подход к анализу предложения.

Цель предлагаемой работы – не оценка многообразия лингвистических теорий, а описание функционирования отадективных существительных, занимающих присубстантивную позицию в польском и русском языках. Изучение деадъектива важно не только для теоретической лингвистики, но и для практики преподавания русского языка, ибо синтаксический анализ предложения в школах и вузах в дальнейшем опирается прежде всего на традиционных основах. Оказывается, что наибольшие затруднения появляются при определении синтаксических функций абстрактных существительных, относящихся к другим существительным.⁹

Деадъективы – это подкласс отвлеченных имен со значением качества, отличающиеся двойственной семантико-грамматической природой, вытекающей из взаимодействия в этих именах категориальных значений предметности и качества. Примарное значение может осложняться вторичными значениями, такими как носитель признака; подвижной количественный признак, поддающийся измерению; склонность или способность к действию, названному в основе прилагательного и т.п.¹⁰

Специфика деадъективов, как отмечает Е. Курилович, заключается в том, что они образованы не от прилагательных-определений, а от прилагательных-сказуемых. Отсюда абстрактные существительные, как бы резюмирующие целое предложение, основаны на синтаксической субстантивации сказуемого, которое может быть выражено глаголом или прилагательным.¹¹

---

⁸ *Gramatyka współczesnego języka polskiego. Składnia*, pod red. Z. Topolińskiej, Warszawa 1984; *Русская грамматика*, АН СССР, т. 2: Синтаксис, Москва 1980. См. также: Н. Dalewska-Greń, *Języki słowiańskie*, Warszawa 1997.

⁹ Л. Д. Чеснокова, *Связи слов в современном русском языке*, Москва 1980, s. 43-44; Л. И. Тимофеева, *Субстантивные словосочетания с объектно-определятельной семантикой*, [в:] *Проблемы изучения эквивалентности в славянских языках*, под ред. С. Сятковского и Т. С. Тихомировой, Москва 1997, s. 222-230.

¹⁰ *Русская грамматика*, АН СССР, т. 1, Москва 1982, s. 177-183; R. Grzegorzczakowa, J. Puzynina, *Słowotwórstwo współczesnego języka polskiego*, Warszawa 1979, s. 108-110.

¹¹ Е. Курилович, *Очерки по лингвистике*, Москва 1962, s. 64.

Таким образом, деадъектив в структуре простого предложения выражает имплицитную (свернутую) предикативность и наряду с примарной грамматической основой предложения является второй основной формой грамматической организации текста,¹² напр.:

Źródło dobroci się wyczerpało – Źródło tego, co dobre, się wyczerpało. Он наслаждался веянием *świeżości* – Он наслаждался веянием того, что свежее.

Присубстантивная позиция деадъектива, хотя и не типичная для этих синтаксем, в обоих языках не принадлежит к исключениям. Присубстантивный деадъектив выполняет функцию традиционного несогласованного определения. Если в польской синтаксической литературе такая позиция и ее синтаксический характер не вызывают никаких сомнений, то в русском синтаксисе проблема более сложная. Дело в том, что в польском языке всякий присубстантивный член интерпретируется атрибутивно, а в русском языке атрибутивно¹³ или объектно.¹⁴ Ф. К. Гужва формулирует даже критерии разграничения дополнения и несогласованного определения, опирающиеся главным образом на отношения, которые устанавливаются между поясняемым и поясняющим словом. Автор отмечает, что некоторые присубстантивные дополнения приобретают определительные оттенки и эти случаи называет переходными.¹⁵

О неоднозначности, а скорее функциональной осложненности (контаминации) выражаемых присубстантивными существительными отношений, свидетельствует также факт применения в русском синтаксисе различных сложных наименований для этого явления: обстоятельственные определения,¹⁶ присубстантивные допол-

¹² *Gramatyka współczesnego języka polskiego. Składnia*, s. 353.

¹³ См. м. проч.: Z. Klemensiewicz, *Zarys składni polskiej*, Warszawa 1969, s. 63; S. Szober, *Gramatyka języka polskiego*, Warszawa 1962, s. 313; M. Bobran, *Очерк синтаксиса простого предложения русского и польского языков*, Rzeszów 1993, s. 95-97, 102-104, 122-123.

¹⁴ См. м. проч.: Ф. К. Гужва, *Современный русский литературный язык. Синтаксис*, Киев 1971, s. 79-103; *Грамматика русского языка*, под ред. В. В. Виноградова, *Синтаксис*, т. 2, ч. 1, Москва 1954, s. 540-549; Н. Валгина, *Синтаксис современного русского языка*, Москва 1973, s. 115-116, 123-124; А. К. Федоров, *Трудные вопросы*, s. 67-72.

¹⁵ Ф. К. Гужва, *Современный русский язык*, s. 102.

¹⁶ П. А. Лекант, *Синтаксис простого предложения в современном русском языке*, Москва 1986, s. 139.

нения с определительными оттенками,¹⁷ определительные дополнения,¹⁸ объектно-определительные отношения.¹⁹

Согласно новейшему подходу к синтаксическим явлениям деадъектив в упомянутом выше предложении выполняет семантико-синтаксическую функцию главного члена номинализованной второй (зависимой) предикации. С формально-синтаксической точки зрения предложения с присубстантивным деадъективом имеют только одну предикацию и не отличаются от обыкновенных простых предложений. Однако с точки зрения функционально-трансформационного анализа это двухбазовая структура, содержащая главную и зависимую предикацию, причем зависимая предикация заключается в деадъективе.²⁰ Такие предложения называются полипредикативными.²¹

Деадъектив в структуре простого полипредикативного предложения может относиться к:

1. абстрактным непроизводным существительным, типа: *myśl, idea, symbol, hipoteza, problem, podstawa, material, cud, fala, pozór, przykład*, мысль, идея, гипотеза, проблема, основа, материал, чудо, волна, напр.:

... nienaruszone zostały jeszcze chyba tylko proste przykłady *dobroci i podłości* (Słonimski).

Śnieg omotał ten symbol *świętości* swymi zasłonami... (Żeromski).

... które [mchy] tym skałom nadają pozór *starości* i jakiejś szczególnej *nędzy* (Żeromski).

Toteż cnoty *czystości* i poświęcenie zdawały się od stóp do głowy przyoblekać jej... kibić (Orzeszkowa).

¹⁷ Ф. К. Гужва, *Современный русский язык*, s. 100.

¹⁸ Н. С. Валгина, *Синтаксис...*, s. 124.

¹⁹ Л. И. Тимофеева, *Субстантивные словосочетания...*, s. 222-229.

²⁰ П. Адамец, *О семантико-синтаксических функциях девербативных и деадъективных существительных*, „Научные доклады высшей школы. Филологические науки”, 1973, nr 4, s. 40-41.

²¹ Полипредикативными называются простые осложненные предложения с главной и второстепенной предикативной связью и сложные предложения с более чем одной главной предикативной связью. См. м. проч.: Г. А. Золотова, *Монопредикативность и полипредикативность в русском синтаксисе*, „Вопросы языкознания”, 1995, nr 2, s. 99-109; Z. Czajiga, *O strukturalno-semantycznej złożoności wyrażen polipredykatywnych*, „Kieleckie Studia Rusycystyczne”, т. 8, 1998, s. 251-156.

И она ощутила волну *гордости* и облегчения... (Пастернак).

... в следующую минуту должны были высказать чудеса *находчивости* и *храбрости* (Пастернак).

Этого молодого человека ожидает трагедия *неподвижности*, и мы бессильные ее предотвратим (Островский).

В эти дни идея *богатства* стала занимать его впервые в жизни (Пастернак);

2. другим деадъективам или девербативам, напр.:

... że wszelkie objawy *niegrzeczności* mają szczególnie niemiły wydźwięk społeczny (Żuławski).

... na sile nie traci pieśń o zuchwałych żądzach *młodości* i zgniłej rozpacz *starości*... (Żeromski).

... oskarżony przez Orzeszkową o zdradę *polskości* Conrad z wyżyn niedościgniętego sztucztwa przejął nad nami władzę wychowawcy narodu (Słonimski).

Przecież on w głębi ducha na pewno się boi, mając świadomość *niebezpieczeństwa*, które nam grozi (Paukšta).

... przyszłość jej (Marty) otrzymała dostateczną ochronę od cierpienia *samotności* i *niebezpieczeństw ubóstwa* (Orzeszkowa).

На всякой рожающей лежит тот же отблеск *одиночества*, *оставленности*, *предоставленности* самой себе (Пастернак).

... у которой (Амалия) сердечные припадки сменялись припадками *глупости* (Пастернак).

Эта черта мельчила Ларин характер, который всегда отличала широта и отсутствие *шпенливости* (Пастернак).

Налет невинности лежал на их опасных забавах (Пастернак).

... холодные поучения англичанки не могли заменить присутствия матери, наполнявшей дом сладкой тягостностью *занальчивости* и *упорства*... (Пастернак).

Кроме того, в обоих языках деадъектив свободно сочетается с существительными временной или вообще количественной (градусальной) семантики, и обозначает признак, характерный для того или иного периода: *minuta*, *chwila*, *moment*, *czas*, *pora*, *miara*, *время*, *момент*, *минута*, *год*, *мера*, напр.:

Każda minuta ich *nieobecności* wydawała się Gudinowi i żołnierzom niezmiernie długą (Żeromski).

Zły był za moment własnej *słabości* (Paukšta).

Nigdy, przynigdy, ani w dniach *pomyślności* i dostatku, ani w chwilach zapadnięcia w samotność i ubóstwo... Marta nie wyobrażała sobie, aby siły jej były tak słabe... (Orzeszkowa).

... для девочки это были годы *подозрительности* и *одиночества, чувства греховности*... (Пастернак).

... и томился своим несчастьем во время *сытости* (Платонов).

... и Умришев, вспомнив сейчас то невозвратное время *невыясненности*, спел во весь голос (Платонов).

... у них там была необычная жизнь... и мера *ценностей* взвешивается на иных весах – на весах сердечности, любви и души... (Лиханов).

Широко распространены в русском языке структуры *чувство + родительный падеж; состояние + родительный падеж* деадъектива, обозначающие психическое состояние десигната:

Нинка Правдина... смотрела на меня, преисполненная *чувства* собственного *достоинства* (Лиханов).

Он избавлялся от упреков самому себе, недовольство собою, чувство собственного *ничтожества* на время оставляло его (Пастернак).

Его конечною пружиной оставалось *чувство озабоченности*, и *чувство беспечности* не облегчало и не облагораживало его (Пастернак).

В *состоянии возбуждения* он громко разговаривал с собой (Пастернак) = он громко разговаривал, так как (когда, если) был возбужденный.

В польском языке им соответствуют сочетания *uczucie, poczucie, stan + родительный падеж* деадъектива: *uczucie własnej godności, uczucie zafrasowania, poczucie własnej nicości, stan gotowości bojowej* и т.п.

Во всех приведенных нами предложениях родительный падеж отприлагательных существительных с отвлеченным значением признака раскрывает или уточняет содержание определяемого понятия.

Кроме родительного беспредложного присубстантивный деадъектив может приобретать разные предложно-падежные формы. В польском языке к ним относятся: *do + родительный падеж, w + винительный падеж, z + творительный падеж, o + предложный падеж*, а в русском: *от + родительный падеж, к + дательный падеж, в + винительный падеж, в + творительный падеж, о + предложный падеж*:

Profesor Tatarkiewicz nie uwzględnia czytelników *o wrodzonej złości*, ... ludzi niedobrych (Słoniński).

... co potwierdza moje nieraz wyrażane mniemanie *o iluzoryczności* granicy dzielącej różne gatunki literackie (Słoniński).

Dążenie *do doskonałości* nie miało w tych okolicznościach sensu (Słoniński).

До конца дней его не покидает убежденность *в своей правоте* (Пастернак).

Было принято решение *о необходимости* поездки в горы (Лиханов).

Прушевский обеспечил несокрушимость будущего общепролетарского жилища и почувствовал утешение *от недежности* материала (Платонов).

Выденные предложно-падежные конструкции обозначают признак определяемого понятия, явления по наличию у него какой-либо внутренней характерной черты, качества, свойства и т.п., или же раскрывают внутреннее содержание определяемого понятия.

Отадъективное имя качества, относящееся к другому деадъективу или девербативу, создает ступенчатое осложнение структуры простого предложения. Ср.:

Oskarżyli go *o zdradę polskości* – Oskarżyli go o to, że *zdradził to*, co polskie.

Ученого не покидала *уверенность в своей правоте* – Ученый *был уверен* в том, что он *прав*, и это не покидало его.

Как видим, деадъективы заменяются здесь именами прилагательными в предикативной позиции.

Подытоживая вышесказанное, следует подчеркнуть, что как в польском, так и в русском языках отмечается употребление номинативных единиц как знаков реальной ситуации, создающих полипредикативность простого предложения. Они усложняют простое предложение и представляют собой свернутую предикативную единицу.

Присубстантивный деадъектив функционирует в обоих языках на похожих основах: сочетается он с ограниченным кругом абстрактных существительных и в большинстве случаев приобретает такую же форму. Различия в применении некоторых предложно-падежных форм обусловлены коннотационными свойствами производящих глаголов и прилагательных.